

А.А. Бродников*

**ИЗ БЫТА СИБИРСКИХ ГОРОЖАН
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА
(«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКА)**doi:10.31518/2618-9100-2026-1-15
УДК 94:364.28(571.51)"16"*Выходные данные для цитирования:**Бродников А.А. Из быта сибирских горожан в первой половине XVII века («женский вопрос» на примере Енисейска) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 185–194. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-15.pdf>*

A.A. Brodnikov*

**FROM THE EVERYDAY LIFE OF SIBERIAN TOWNSPEOPLE
IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY
(THE "WOMEN ISSUE" ON THE EXAMPLE OF YENISEYSK)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-15

*How to cite:**Brodnikov A.A. From the Everyday Life of Siberian Townspeople in the First Half of the 17th Century (The "Women Issue" on the Example of Yeniseysk) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 185–194.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-15.pdf>]*

Abstract. The article discusses one of the most serious everyday problems faced by settlers from the European part of the Russian state in the first decades of Siberia's development. Young men who arrived in Siberian cities faced a near-total absence of women, leading to long periods of singlehood. The purpose of the article is to identify how important the so-called "women's issue" was for representatives of various categories of the Russian population of the Yeniseisk fortress in the early period of its existence, and how this situation influenced the process of further expansion of Russian possessions to the east of the Yenisei River. The sources used include collective petitions from the military personnel of the Yenisei garrison and the peasant population of the Yenisei uyezd, reports from the Yenisei and Tobolsk governors, and letters sent from Moscow to Tobolsk. The information contained in them allows to look at the problem through the prism of socio-economic relations, and to understand the impact of a seemingly purely domestic issue on the further expansion of Russian possessions in Siberia and its economic development. For the first time, it shows how the Russian population that was forming in the Yenisei district tried to solve the problem of a lack of women in legal and illegal ways, and what difficulties single plowing peasants faced in fulfilling their duties to the state. The sources indicate that the absence of women and, as a result, the inability to start families had a negative impact not only on the emotional and moral well-being of the male population, but on the economic development of the annexed territory as well.

Keywords: Yeniseisk fortress, service people, plowing peasants, gender structure of the population, gender relations.

*The article has been received by the editor on 27.11.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается одна из серьезнейших бытовых проблем, возникших у переселенцев из европейской части Русского государства в первые десятилетия освоения Сибири. Приходившие в сибирские города молодые мужчины сталкивались с практически полным отсутствием женщин и, как следствие, долгое время оставались холостыми. Цель статьи – выявить, насколько был важен так называемый

* **Александр Ананиевич Бродников**, доцент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: brodnikov.alexandros@yandex.ru
Aleksandr Ananievich Brodnikov, Associate Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: brodnikov.alexandros@yandex.ru

«женский вопрос» для представителей различных категорий русского населения Енисейского острога в ранний период его существования и как эта ситуация влияла на процесс дальнейшего расширения русских владений на восток от Енисея. Привлеченные источники – коллективные челобитные служилых людей енисейского гарнизона и крестьянского населения Енисейского уезда, отписки енисейских и тобольских воевод, грамоты, приходившие в Тобольск из Москвы. Содержащаяся в них информация дает возможность взглянуть на проблему через призму социально-экономических отношений, понять влияние, казалось бы, чисто бытового вопроса на дальнейший ход расширения русских владений в Сибири и ее хозяйственного освоения. Впервые показано, как формировавшееся в Енисейском уезде русское население пыталось законным и незаконным путем решать проблему отсутствия женщин, с какими трудностями сталкивались холостые пашенные крестьяне при выполнении государевых повинностей. Привлеченные источники свидетельствуют, что отсутствие женщин и, как следствие, возможности обзаводиться семьями не просто негативно сказывалось на эмоционально-нравственном состоянии мужского населения, но и на хозяйственном освоении присоединенной территории.

Ключевые слова: Енисейский острог, служилые люди, пашенные крестьяне, гендерная структура населения, взаимоотношения полов.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025 г.

Проблемы всевозможных бытовых вопросов русского населения Сибири стали интересовать исследователей достаточно давно. В частности, еще Г.Ф. Миллер обратил внимание на сложности, связанные со снабжением русских служилых людей продовольствием, одеждой и обувью. А начавшее появляться в Сибири еще с конца XVI в. крестьянское население, которое предполагалось определить на «государеву» пашню, кроме этого, столкнулось и с трудностями при обеспечении инвентарем¹. Интерес к бытовой жизни сибиряков возобновился во второй половине XIX в. Так, к этому вопросу обратился сибирский областник, ученик Г.Н. Потанина, С.С. Шашков². Освещая сибирскую тематику XVII в., он рассматривал местные гендерные проблемы как часть общероссийских³. Первым обратил внимание на катастрофический недостаток женщин среди русского населения Сибири П.Н. Буцинский. Он отметил, что это приводило к преступлениям морально-нравственного характера среди разных слоев русского населения⁴. Не отличалось, по наблюдениям Буцинского, в этом плане в лучшую сторону и еще малочисленное сибирское духовенство, с чем столкнулся первый сибирский архиепископ Киприан по прибытии в Тобольск, а позднее и его преемник архиепископ Макарий⁵. По этому же поводу еще в 1890 г. историк-архивист Н.Н. Оглоблин опубликовал статью под названием «Женский вопрос в Сибири»⁶. Встречается освещение подобных проблем и в художественной литературе. Например, в исторической повести о XVII в. красноярского писателя Кирилла Богдановича «Люди Красного Яра»

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 336–337, 339–346, 355–358, 374–377, 384–385, 402–403, 437–441 и др.; М., 2000. Т. II. С. 16–25, 40–41, 78–99 и др.; М., 2005. Т. III. С. 86–108 и др.

² Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 291–308.

³ Шашков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17–20. С. 681–736; № 22–24. С. 232–272.

⁴ Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 73; Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 204.

⁵ Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан... С. 224, 225, 227; Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 265, 269, 270–271.

⁶ Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195–207.

присутствует довольно правдоподобный эпизод о доставке в Красноярский острог женщин для женитьбы на них казаков⁷.

В советское время, занимаясь проблемами сибирского города XVII в., обращал внимание на всевозможные бытовые проблемы его жителей Д.Я. Резун. Среди его работ встречаются статьи о бытовых чертах сибиряков этого столетия, в том числе о бытовой культуре жителей Енисейска⁸. Собранные им объемные сведения о сибирских казаках, в том числе о енисейцах, были позднее изданы сотрудниками Института истории СО РАН⁹.

В последние годы исследователи стали активнее интересоваться проблемами положения женщин сибирских народов в XVII в. и тем, как эти проблемы влияли на поведение некоторой части казаков и представителей других категорий русского населения во взаимоотношениях с местным населением. В частности, этого касались В.Р. Хоменкер¹⁰ и И.Р. Соколовский¹¹. Обратился к подобной тематике и исследователь сибирского казачества XVII в. Н.И. Никитин. Он акцентировал внимание на проблемах, возникавших на территории Сибири в течение всего столетия, отмечая определенные изменения в поведении казаков, связанные с удаленностью от административных центров и, очень вероятно, с местными традициями¹². Из зарубежных специалистов, изучавших дореволюционную историю Сибири, теоретический инструментарий таких междисциплинарных научных направлений, как «история женщин», «история семьи», «гендерная история», применяли Э. Гентес¹³, С. Бэдкок¹⁴ и др.

Даже фрагментарно приведенная историография свидетельствует, что практически с первых десятилетий проникновения русских людей в Сибирь, представлявших собой, за очень редким исключением, мужское население, возникла и проблема, которую можно обозначить как «женский вопрос». С ним серьезным образом были связаны различные бытовые проблемы сибирского населения, которые до настоящего времени остаются слабо изученными. Цель данной статьи – обозначить бытовые проблемы, с которыми в первые годы существования Енисейского острога столкнулись его жители, служилые люди и крестьянское население по причине отсутствия в остроге и уезде женщин, что лишало их возможности обзаводиться семьями. Источниками послужили документы 20-х гг. XVII в.: отписки служилых людей Енисейского гарнизона и подгородних крестьян, отписки енисейских и тобольских воевод, грамоты, отправленные из приказа Казанского двора.

Как отмечалось выше, среди серьезных бытовых проблем первого поколения сибиряков независимо от их социальной принадлежности было отсутствие женщин. Отсутствие катастрофическое, что приводило к всевозможным конфликтам между представителями мужского населения, к нарушениям социальных и духовных норм и правил и даже к уголовным преступлениям. Все это нашло отражение в документальных источниках того времени: достаточно вспомнить грамоты в Сибирь патриарха Филарета и отписки в Москву первого сибирского архиепископа Киприана и его преемника архиепископа Макария¹⁵. В 1628 г. архиепископ Макарий жаловался в Москву царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету (отписку подал 15 сентября его приказной человек сын боярский Максим Трубча-

⁷ Богданович К. Люди Красного Яра (сказы про сибирского казака Афоньку). Красноярск, 1977. 264 с.

⁸ Резун Д.Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 75–81.

⁹ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиографический словарь. М.; СПб., 2020.

¹⁰ Хоменкер В.Р. Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 248–258.

¹¹ Соколовский И.Р. Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 1. С. 108–123.

¹² Никитин Н.И. О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61–68.

¹³ Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822. Basingstoke, 2008.

¹⁴ Badcock S. A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford, 2016.

¹⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири... Т. II. С. 84–85, 322–330, 342–347; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 225–242, 252–276.

нинов¹⁶, сменивший в 1619 г. на посту приказчика основателей Енисейского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина), что отправляемые из сибирских городов в Москву с рухлядью и отписками уже женатые казаки вторично женятся в Москве и в разных русских городах и везут новых жен в Сибирь. А иногда просто увозят с собой, по уговору или силой, подвернувшихся по пути замужних женщин. В Сибири же продают их разным людям¹⁷.

Говоря о Енисейском остроге (и уезде) в первые годы его существования, необходимо отметить, что в плане отсутствия женщин он особо не отличался от других сибирских уездных центров¹⁸. Но по причине его отдаленности от европейской части России ситуация, похоже, была всечер-таки еще сложнее. В первые годы существования Енисейска это создавало серьезные проблемы для его мужского населения и, естественно, для администрации.

Первой женщиной, упоминаемой в документальных источниках по ранней истории Енисейска, была жена атамана Поздея Фирсова, выполнявшего в Енисейском гарнизоне обязанности стрелецкого сотника, Алена, Андреева дочь. Как о ней сказано в документах – немка. Мы не знаем, с какого времени она проживала в Енисейском остроге, но, надо полагать, не позднее, чем с 1625 г. Но так как П. Фирсов служил в Енисейске со времени образования его постоянного гарнизона в 1623 г., то более вероятно, что жену он привез с собой в том же 1623 г., так как источники этих лет (1623–1625 гг.) сообщают о походах П. Фирсова по Енисею и его притокам, но не говорят о его долгом отсутствии в Енисейском остроге¹⁹. Единственный известный из источников факт его длительного отъезда из Енисейска – это поездка в Томск, которая закончилась для атамана трагедией: в конце 1625 г. П. Фирсов, возвращаясь из Томска в Енисейский острог, утонул в Оби, попав в полынью²⁰.

Таким образом, его жена Алена, Андреева дочь, стала вдовой. Судя по всему, она была еще молодой женщиной и, похоже, бездетной²¹. Енисейский подьячий Максим Перфирьев (будущий землепроходец), будучи в Енисейском остроге вторым лицом после воеводы, решил жениться на вдове. Женщина, похоже, не возражала. Вот только, как позднее выяснилось, у М. Перфирьева уже была жена в Верхотурье, о которой нам ничего неизвестно²². Впрочем, для Сибири того времени подобная ситуация была нередкой. Архиепископ Макарий в 1628 г. писал в Москву о том, что «иные казаки на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поимают иных жен; а у иных, государь, казаков и в Сибири – на том городе жена, а на другом другая»²³.

Желание М. Перфирьева жениться на вдове П. Фирсова было поддержано воеводой А. Ошаниным. Он поручил провести венчание находившемуся в Енисейске «черному попу» Тихону. Но тот, зная, что подьячий женат, категорически отказался совершать обряд. За это воевода забрал у него церковные ключи и не пускал в церковь²⁴. В последующем, когда на А. Ошанина был заведен сыск о его злоупотреблениях, это событие фигурировало в каче-

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 151 об.

¹⁷ Там же. Л. 151–152.

¹⁸ Об этом см.: Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан... С. 224, 225, 227; Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим... С. 251–310; Никитин Н.И. О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61–68.

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156–160, 339, 351, 352–353; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбф АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3 об. – 4, № 5; Л. 7 об. – 8, № 12.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91.

²¹ Там же. Л. 69.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 372. Необходимо отметить, что Н.Н. Покровский, не имея сведений о существовании у М. Перфирьева жены на Верхотурье, считал, что причиной возникшего против этого венчания духовного дела было то, что она немка и не была православной (См.: Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 93–94). Но сложившаяся ситуация говорит, что возникавшая проблема с ее вероисповеданием не связана. Даже если она и была «немкой», то перед тем как стать женой казака, должна была принять православие. Кроме того, учитывая, что П. Фирсов был уже опытным казаком и наверняка успел поучаствовать в войне против поляков или шведов, не исключено, что его жена являлась военным трофеем.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 151–152.

²⁴ Там же. Стб. 12. Л. 69.

стве еще одного из обвинений – по духовному делу, которым занимался сам архиепископ Макарий²⁵.

Поп Тихон отказался «молитвить» Максима со вдовой П. Фирсова. А вот другой священник, «белый поп» Кирилло, согласился, взяв за проведение обряда 10 руб. деньгами и десять четей «запасу» (надо полагать, что речь шла о ржаной муке)²⁶. Хотя он тоже знал о том, что у М. Перфирьева в Верхотурье была жена (живая, но здоровая или нет – нам неизвестно). Обряд венчания был проведен ночью на Фоминой неделе. В 1626 г. Пасха выпала на 9 апреля²⁷. Соответственно, Пасхальная неделя – на 10–16 апреля, а Фомина неделя – на 17–23 апреля.

В последующем, когда архиепископ Макарий проводил расспрос бывшего воеводы о незаконном венчании подьячего М. Перфирьева и препятствии его в службе «черного попа» Тихона, А. Ошанин от обвинения по поводу препятствий, чинимых «черному попу» Тихону, отказался, заявив, что к делу о венчании М. Перфирьева никакого отношения не имеет, а венчал Максима «белый поп». Сам же «белый поп» Кирилло, оказавшийся в то время в Тобольске, 5 августа 1628 г. сказал архиепископу, что совершил обряд по велению воеводы, «бояся от него убийства». Десятильника тогда в Енисейском остроге не было, а о существовавшей жене Максима он ничего не знал и плату за венчание не брал. На очной ставке А. Ошанин и поп Кирилло продолжали утверждать каждый свое. Так как М. Перфирьев, который мог бы стать свидетелем в пользу одного из обвиняемых, в Тобольск до 6 августа не прибыл, архиепископ решил отослать А. Ошанина обратно к воеводам и какого-либо решения по этому духовному делу не вынес²⁸.

Надо отметить, что несколько позднее у М. Перфирьева и его новой жены родился сын Иван, ставший довольно значительной фигурой в истории Енисейского и Иркутского уездов, в том числе выполнявший обязанности иркутского воеводы во время Иркутского бунта конца XVII в.²⁹

В результате поступивших на воеводу Ошанина челобитных стало известно имя еще одной женщины, появившейся в Енисейском остроге в 1625 г. О ней архиепископу Макарию 3 августа 1626 г. «сказывал ... енисейского острогу казак Иван Игнатьев сын прозвищем Обухов». Из слов Обухова следовало, что летом 1625 г. по пути к месту службы А. Ошанин увез из Тюмени у «государева крестьянина у Медведка сноху Катеринку Ондрееву дочь» и привез ее в Енисейской острог. История умалчивает подробности этого происшествия: увез он ее силой или обманом, или Катеринка сама стремилась сбежать от своего свекра. В Енисейске же А. Ошанин «привезучи ... ее продал енисейскому казаку Булатку Иванову, а взял за нее 20 рублей». Через несколько месяцев (надо полагать, в начале промышленного сезона, т.е. в конце октября – первых числах ноября) тот казак Булатко пошел на промысел (интересно, как решался вопрос с выполнением им служебных обязанностей?), а воевода продал ее другому енисейскому казаку – Левонтию Ондрееву сыну Кобылину. На этот раз Оршавин «взял за нее 30 рублей». «И ныне тот казак Левка с тою Катеринкою живет беззаконством, что и з женою и та ныне Катеринка чреваста»³⁰.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 361–373.

²⁶ Там же. Л. 372.

²⁷ Православный календарь [Электронный ресурс] // Православная Пасхалия. URL: <http://www.canto.ru/calendar/easter.php?style=old&year1=1450&year2=2020> (дата обращения: 14.02.2026).

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 372.

²⁹ Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVIIв.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168; Бродников А.А. Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о прошлом в письменных источниках XVIII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104–112; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века... С. 668, 670.

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 68–69.

Эта информация вместе с другими материалами сыска по делу о енисейском бунте³¹ поступила в Москву. Царь Михаил Федорович и его отец Филарет Никитич, патриарх Московский и всея Руси, 23 ноября 1626 г. заслушав доклад о енисейских событиях, «указали» отослать А. Ошанина на суд к архиепископу Макарию. А в Енисейске отправленному тобольскими воеводами для сыска письменному голове (тобольскому сыну боярскому Богдану Аршинскому) об этом «сыскати накрепко какую Ондрей жонку с собою привез в Енисейской острог и у кого в сибирских городех взял и увез в Тюменском городе у пашенного крестьянина сноху отнял ли»³². После проведенного в Енисейске сыска Катеринку следовало тоже отослать к архиепископу, а полученные А. Ошаниным за нее деньги вернуть казакам³³.

Позднее архиепископ Макарий писал в Москву, что тобольский воевода боярин А.А. Хованский прислал к нему А. Ошанина, а сыскаго дела на него по поводу «жинки Катеринки» и допросных речей про него тюменского пашенного крестьянина Медведка о своей снохе не дал³⁴. Архиепископу пришлось вернуть А. Ошанина тобольским воеводам. При этом в качестве сопровождающего с ним был отправлен архиепископский дьяк Савва Есипов, автор летописи, получившей в последующем у исследователей его имя.

Тем не менее А. Ошанин подал архиепископу челобитную и по тому и по другому поводу. По версии бывшего воеводы, когда он в 1625 г. проезжал через Тюмень, к нему на судно эту Катеринку привел енисейский казак Федька Патрекеев, «а тово, де, он не ведает, чья дочь и мужняя ли жена или безмужная». Ошанин ее с судна согнал, и она ехала до Енисейского острога с Ф. Патрекеевым. В Енисейском остроге он никому эту Катеринку не продавал, а держит ее у себя казак Левка Кобылин «и беззаконством с нею живет и брюха ее довалял»³⁵. Получается, что воевода Ошанин не имел представления, каким образом Катеринка от Ф. Патрекеева попала к Л. Кобылину. А подтвердить или опровергнуть сказанное в челобитной на воеводу при рассмотрении этого дела в Тобольске в это время у архиепископа свидетелей не нашлось. В итоге архиепископ Макарий был вынужден А. Ошанина «в духовных делах» простить.

Интересно отметить, что в самой ранней известной окладной книге служилых людей Енисейского острога за 1629/1630 г. имена Булатки Иванова и Левки Кобылина не встречаются³⁶. Нет среди них и Федьки Патрекеева. Но есть три Федьки с другими прозвищами: Михайлов, Сернин и Петров³⁷. Не исключено, что кто-нибудь из них, учитывая существовавший в то время хаос с ведением подобных документов, мог быть тем самым Федькой Патрекеевым. А вот в окладной книге за 1632/1633 г. встречается имя Левки Кобылина³⁸.

В целом следует отметить, что проблема отсутствия жен у служилых людей сохранялась достаточно долго и беспокоила воеводскую администрацию, так как влияла на их обустроенность, «обживание». К декабрю 1629 г. среди ста енисейских стрельцов, присланных при тобольском воеводе князе Ю.Я. Сулешеве, большинство были «люде не заводные». Как писал в Москву енисейский воевода Василий Аргаматов, они «живут непрочным житьем, только избы ставлены у десяти человек <...> а у остальных у всех пристанища своего у человека нет, люди холостые одинокие»³⁹.

³¹ О событиях енисейского бунта см.: *Покровский Н.Н.* Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.* Новосибирск, 1988. С. 24–61; *Бродников А.А.* О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 11–19.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 68 об.

³³ Там же. Л. 69 (должен быть Л. 69 об.).

³⁴ Там же. Стб. 16. Л. 370–370а.

³⁵ Там же. Л. 371–372.

³⁶ Там же. Оп. 1. Кн. 27. Л. 303–318.

³⁷ Там же. Л. 307 об. – 308, 309 об.

³⁸ Там же. Кн. 47. Л. 84.

³⁹ Там же. Оп. 3. Стб. 12. Л. 485–486.

Но, пожалуй, еще более серьезные проблемы из-за отсутствия жен испытывали крестьяне. Вскоре по приезду в Енисейский острог на воеводство А. Ошанина они подали ему челобитную. В своей челобитной, составленной в 1626 г. от лица 20 человек, крестьяне сообщают, что присланы они в Енисейск из Тобольска в 1621 г. Все это время они живут в тяжелых условиях. За прошедшее время они себе пашню так и не напахали и «дворишка не обустроили», потому что не успевают: все остаются одинокими и холостыми. Если бы у них «женишка были, и они бы хотя иные работы не знали». Поскольку из Тобольска в Енисейский острог «гулящих жонок» не присылают, то жениться им не на ком. Именно это крестьяне и просили – прислать им из Тобольска «гулящих женочек на ком жениться»⁴⁰.

По традиции того времени, воевода изложил проблему крестьян в своей отписке, приложив к ней полученную им челобитную. В своей отписке в Москву А. Ошанин сообщал, что в Енисейском остроге на тот момент пашенных крестьян насчитывалось 27 человек, при этом женатых было лишь 7 человек⁴¹. То есть челобитную подали только холостые крестьяне. Отсутствие жен серьезным образом влияло на выполнение разных работ, которые государевы крестьяне должны были выполнять. Как отмечал воевода, «у которых у пашенных крестьян жен нет, и те пашенные крестьяне пришед с твоей государевой пашни хлеба пекут и варят, толкут и мелют сами <...> а без жен пашенным крестьяном быти не уметь»⁴². Часто крестьяне даже не успевали готовить себе нормальную пищу: многие просто варили кутью⁴³.

Таким образом, как и у служилых людей, у крестьян существовала проблема – где взять жен. В вышеупомянутой отписке воеводы Ошанина говорилось: «А в Енисейском остроге гулящих жонок нет, женитца им не на ком, а ис Тобольска им гулящих жонок не присылают на ком женитца»⁴⁴. Поэтому, по мнению воеводы, лучше всего присылать в Енисейск крестьян с семьями: «А лучшая, государь, статья, что прислати в Енисейской острог с Руси или из Сибири в твои государевы пашенные крестьяне в жильцы людей добрых и прожиточных и семьянитых, которым пашня за обычей»⁴⁵.

В ответ на отписку А. Ошанина и челобитную енисейских пашенных крестьян из Москвы тобольскому воеводе Андрею Хованскому была отправлена государева грамота (получена в Тобольске 10 сентября 1626 г.), по которой ему следовало послать в Енисейск «гулящих жонок и девок для женитьбы»⁴⁶.

Но, судя по всему, проблема так и не была решена – тобольским воеводам тоже надо было где-то брать «гулящих жонок и девок для женитьбы». А ситуация в Тобольске была ненамного лучше, чем в Енисейском остроге, о чем князь Хованский и проинформировал правительство. Его отписка была доставлена в приказ Казанского дворца 27 апреля 1627 г. Но в Москве посчитали, что проблему можно все-таки решить на месте. Поэтому на обороте его отписки появилась резолюция: «А про жонки <...> князю Андрею отписати о том в Сибирские города, где будет сыщутся гулящих жонок и девок велеть посылати в Енисейской»⁴⁷. Грамота соответствующего содержания в ответ на отписку А. Хованского была получена в Тобольске уже в июле 1627 г.⁴⁸

Между тем численность енисейских крестьян продолжала увеличиваться. Правительство предпринимало усилия для развития в Сибири земледелия, в том числе и в Енисейском уезде, для чего из европейской части России туда отправляли крестьян, но опять же холостых. Весной 1630 г. в приказ Казанского дворца поступила еще одна челобитная енисейских пашенных крестьян – на этот раз уже от лица 53 человек. Крестьяне писали,

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 137–139.

⁴¹ Там же. Л. 131.

⁴² Там же. Л. 132.

⁴³ Там же. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Л. 132.

⁴⁵ Там же. Л. 136.

⁴⁶ Там же. Л. 148, 150.

⁴⁷ Там же. Л. 148 об.

⁴⁸ Там же. Л. 154–155.

что присланы они были из Москвы в Енисейской острог «наги и босы». В Енисейске они столкнулись с теми же проблемами, что и прежние крестьяне: «...жен и детей у них нет. В пашенную и всякую пору мелют и пекут, и варят сами, а дворы их пустыми стоят, аженится им в Енисейском остроге негде, а в сибирские города их для женитьбы не отпустят. От того до конца погибли». Кроме прочих просьб, эти новоприбывшие крестьяне просили отпустить их в сибирские города для женитьбы, «чтоб им вконец не погибнуть и врозь не разбрестись»⁴⁹. Однако в Москве смогли только повторить прежние рекомендации, данные ранее сибирским воеводам. Енисейский воевода кн. Семен Шаховской писал об этом в Москву: 3 ноября 1630 г. была ему прислана из приказа Казанского дворца грамота по челобитью енисейских крестьян 53 человек, которые жаловались на существующие проблемы, в том числе что живут без жен⁵⁰.

Таким образом, почти за десять лет, в течение которых московское правительство и сибирская воеводская администрация предпринимали усилия по развитию в Енисейском уезде земледелия, проблема присылаемых в Енисейский острог холостых пашенных крестьян фактически не решалась. В условиях отсутствия в Енисейском остроге незамужних женщин и возможности обзаводиться женами они оставались холостыми и из-за этого ограниченными в своих трудовых возможностях. Это неизбежно сказывалось на выполнении возложенных на них повинностей. Тем не менее правительство, получая информацию об этой злободневной проблеме, пыталось переложить ее решение на местную воеводскую власть, отказываясь понимать, что в то время в Сибири это было нереально.

Не менее сложной можно считать и ситуацию со служилыми людьми, которые, в отличие от крестьян, обладали возможностью передвижения из Сибири в европейскую часть России и, казалось бы, могли обзаводиться семьями. Однако они зачастую использовали это для банальной наживы, рассматривая привозимых в Сибирь женщин как товар. Кроме того, источники свидетельствуют, что многие из сибирских служилых людей имели жен в других городах, в том числе «на Руси», но не стремились перевозить их к своему месту службы. Возможно, это было связано с первоначальной ориентацией приходящих в Сибирь людей, которые, поступая на государеву службу, могли не рассматривать свое новое состояние как постоянное. Но эта проблема требует отдельного изучения.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 402 с.

Богданович К. Люди Красного Яра (сказы про сибирского казака Афоньку). Красноярск, 1977. 264 с.

Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVII в.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII–XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151–168.

Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 11–19.

Бродников А.А. Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о прошлом в письменных источниках XVIII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104–112.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1. 328 с.

Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г. – 1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 5–78.

Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 199–250.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 377–379.

⁵⁰ Там же. Л. 537.

- Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 251–310.
- Буцинский П.Н. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 79–110.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. 630 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000. 796 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. 598 с.
- Никитин Н.И. О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61–68.
- Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195–207.
- Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61.
- Резун Д.Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII – начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 75–81.
- Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.
- Соколовский И.Р. Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 1. С. 108–123.
- Хоменкер В.Р. Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 256.
- Шашков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17–20. С. 681–736; № 22–24. С. 232–272.
- Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск: Сова, 2007. 376 с.
- Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. XIII, 271 p.
- Badcock S. A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 195 p.

References

- Alexandrov, V.A., Pokrovsky, N.N. (1991). *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v 17-m veke* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 402 p.
- Badcock, S. (2016). *A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism*. Oxford, Oxford University Press. 195 p.
- Bogdanovich, K. (1977). *Lyudi Krasnogo Yara (skazy pro sibirskogo kazaka Afon'ku)* [People of Red Yar (Tales about the Siberian Cossack Afonka)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 264 p.
- Brodnikov, A.A. (2005). Ivan Maksimovich Perfir'ev (iz istorii sibirskoy sluzhiloy dinastii XVII v.) [Ivan Maksimovich Perfir'ev (From the History of the Siberian Service Dynasty of the 17th Century)]. In *Semen Remezov i russkaya kul'tura vtoroy poloviny XVII–XIX vekov*. Tobolsk, pp. 151–168.
- Brodnikov, A.A. (2005). O prichinakh i posledstviyakh Yeniseyskogo bunta 1626 g. [On the Causes and Consequences of the Yeniseisk Revolt of 1626]. In *Obshchestvennaya mysl' i traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv*. Novosibirsk, pp. 11–19.
- Brodnikov, A.A. (2023). Vybornyy sud'ya Irkutska Ivan Perfir'ev: Problemy upravleniya gorodom i uezdom v kontse XVII v. [Elected Judge of Irkutsk Ivan Perfir'ev: Problems of City

and District Governance at the End of the 17th Century]. In *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVIII–XX vv.* Novosibirsk, pp. 104–112.

Butsinsky, P.N. (1999). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Tyumen, Izdatel'stvo Yu. Mandriki. Vol. 1. 328 p.

Butsinsky, P.N. (1999). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Tyumen, Izdatel'stvo Yu. Mandriki. Vol. 2. 328 p.

Gentes, A. (2008). *Exile to Siberia, 1590–1822*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. XIII, 271 p.

Kamenetsky, I.P. (Ed.). (2020). *Sluzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'* [Service People of Siberia at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century: A Biobibliographic Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 992 p.

Khomenker, V.R. (2019). Sotsial'naya struktura, gendernyy sostav i semeynye otnosheniya russkikh pereselentsev v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Social Structure, Gender Composition and Family Relations of Russian Settlers in Siberia and the Far East]. In *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamur'ya*. Novosibirsk, pp. 248–258.

Miller, G.F. (1999). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 1. 630 p.

Miller, G.F. (2000). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 2. 796 p.

Miller, G.F. (2005). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 3. 598 p.

Nikitin, N.I. (2021). O gendernykh problemakh v Sibiri na rannikh etapakh russkoy kolonizatsii [On Gender Issues in Siberia at the Early Stages of Russian Colonization]. In *Rossiyskaya istoriya*. Iss. 6, pp. 61–68.

Ogloblin, N.N. (1890). “Zhenskiy vopros” v Sibiri v XVII veke [“The Women’s Question” in Siberia in the 17th Century]. In *Istoricheskiy vestnik*. No. 7, pp. 195–207.

Pokrovskiy, N.N. (1988). Sibirskie materialy XVII–XVIII vv. po “slovu i delu gosudarevu” kak istochnik po istorii obshchestvennogo soznaniya [Siberian Materials of the 17th–18th Centuries on the “Word and Deed of the Sovereign” as a Source for the History of Social Consciousness]. In *Istochniki po istorii obshchestvennoy mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, pp. 24–61.

Rezun, D.Ya. (2004). K istorii bytovoy kul'tury zhiteley Yeniseyska v XVII v. [On the History of Everyday Culture of the Residents of Yeniseisk in the 17th Century]. In *Goroda Sibiri XVII – nachala XX v.* Barnaul. Iss. 2, pp. 75–81.

Shashkov, S.S. (1867). Ocherki russkikh нравов в старинной Сибири [Essays on Russian Morals in Ancient Siberia]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 17–20, pp. 681–736.

Shashkov, S.S. (1867). Ocherki russkikh нравов в старинной Сибири [Essays on Russian Morals in Ancient Siberia]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 22–24, pp. 232–272.

Shilovskiy, M.V. (2007). *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki* [Fates Connected with Siberia: Biographical Essays]. Novosibirsk, Sova. 376 p.

Sokolovskiy, I.R. (2020). Interseksional'nost' po-sibirski: diskursivnye i nediskursivnye praktiki patriarkhal'nogo ugneteniya v XVII veke [Intersectionality, Siberian Style: Discursive and Non-Discursive Practices of Patriarchal Oppression in the 17th Century]. In *Idei i idealy*. Vol. 12, No. 2, part 1, pp. 108–123.